

УДК 811.161.1'42:82-7

ШУМАРИНА Татьяна Фёдоровна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: shumarina2010@mail.ru; тел.: +38(0482) 683539; моб.: +38 067-3779936

ЭПИГРАММА КАК ИНВЕКТИВНЫЙ ТИП ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. Эпиграмма представляет собой малоисследованный объект в лингвистической литературе. Жанр эпиграммы как особый вид сатирико-юмористического произведения рассматривается преимущественно в литературоведческих работах (М. Л. Гаспаров, Е. В. Новикова, Л. И. Тимофеев). Анализ её текстовой структуры и признакового своеобразия в данном исследовании продиктовано необходимостью восполнить пробел в научном освещении эпиграммы как особой жанровой формы, располагающей внушительным арсеналом энигматических языковых средств. Цель работы — доказать принадлежность эпиграммы к особому (инвективному) типу энигматического текста. Актуальность нашего исследования связана с наличием неединственной дефиниции термина «энигматический». Его употребление в широком значении, как что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; иносказание или намёк, позволяет расширить представление о видах творчества, основанных на энигматическом тексте. Сходство эпиграммы с загадкой (классическим энигматическим текстом) эксплицирует единая дефиниция, формулируемая на основе выявленных идентичных специфических признаков: малый литературный жанр, с вариативной или обязательной антропоцентрической составляющей, целью которого является аксиологическая атрибуция, осуществляемая посредством адекватных энигматических языковых средств.

Ключевые слова: эпиграмма, загадка, энигматический текст, инвектива.

Интерес к феномену энигматического текста в современных исследованиях лежит в плоскости описания его семиотической природы, когнитивных и вербальных ключей, обуславливающих процесс успешного декодирования. Основными форами экспликации признаков и структуры энигматического текста принято считать загадку и кроссворд как типичных видов иносказания и языковой игры [3].

Исследованию структуры загадки посвящено немало работ отечественных и зарубежных ученых (В. П. Аникин, Ю. И. Левин, М. А. Рыбникова). Кроссворд как модифицированный тип текста загадки также подвергался многоуровневому лингвистическому анализу (И. В. Захаренко, В. В. Красных, Е. А. Денисова).

Расширение представления о видах творчества, основанных на энигматическом тексте, а вернее анализ признаковой структуры эпиграммы как особого вида энигматического текста — цель данного исследования.

Исходя из общепризнанной трактовки понятия «энигматический» (энигматический, -ая, -ое [\leftarrow греч. *ainigma* (*ainigmatos*) загадка] спец. 'загадочный', 'непонятный' [4]), можно заключить, что вышеназванный лингвистический термин может толковаться не только в узком (традиционном), но и в широком значении, то есть как текст, структурно-семантические и функциональные характеристики которого сопряжены с загадкой.

В данном контексте «загадка» трактуется не в понимании Ю. И. Левина, на которое часто ссылаются исследователи энигматики («текст, денотатом которого служит некоторый объект, в самом этом тексте явно не названный» [5, с. 283]), а шире, как «то, что неясно или непонятно» [7, с. 507]. Признаки, оптимально характеризующие тип текста, правомерно, на наш взгляд, претендующего на вхождение в круг «загадочных», описаны в словарной дефиниции лексемы «загадка» В. И. Далем: «что-либо *загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; иносказанье или намёки, окольная речь, обиняк*» [2, т. 1, с. 566]. Для сравнения приведём аналогичное определение, указывающее на специфичность признаков: «Основу... составляет сатира, и в ней факторами создания смеха являются *намёки и загадки, иносказание, т. е. аллегория*» [6]. Как видим, идентичность признаковых компонентов не требует дополнительных комментариев. С той лишь разницей, что последняя дефиниция характеризует не традиционную составляющую энигматики — загадку, а эпиграмму — сатирико-юмористическую жанровую форму с интенционально обусловленной адресатной направленностью.

На первый взгляд, осмысление эпиграммы, этого ключевого типа *адресатной* поэзии, в энигматическом аспекте представляется парадоксальным. Ведь, как известно, адресатная направленность эпиграммы манифестирована целевым назначением данной сатирико-юмористической жанровой формы. «Эпиграмма, -ы, ж. — короткое сатирическое стихотворение (первонач. дидактическое), высмеивающее какое-н. определённое *лицо*» [8, с. 835].

И всё же идея отнесения эпиграммы к типам энигматического текста небезосновательна. Как представляется, «загадочность» эпиграммы располагается в трех плоскостях: в сфере адресата, в сфере адресанта и языкового кода (энигматора).

Доказательство энигматичности эпиграммы по фактору адресата вытекает из типологической классификации объектов апелляции. В опубликованных работах по данной теме выделяются именные эпиграммы, где референт декодируется посредством манифестируемых в тексте названий или номинаций адресата, и безымянные, где вид адресата может быть определён как обобщённо-скрытый или групповой; для обозначения последних привлекаются латентные средства кодирования. Из данных, приведённых в классификации, следует, что требованиям энигматического текста отвечают лишь безымянные эпиграммы, в атрибуции объектов которых с большой долей вероятности может быть прогнозировано недопонимание, непонимание или ложная идентификация адресата. Ведь недаром до сих пор объекты насмешки ряда пушкинских эпиграмм декодированы с разной степенью вероятности либо вовсе не установлены. В их число может быть включено известное пушкинское стихотворение «Тадарашка в вас влюблён...», «которое обращено, очевидно, к М. Э. Эйхфельд», как указано в примечании Т. Г. Цявловского к изданию 1979 г. [9, с. 153]; эпиграмма «Русскому Геснеру», в которой, *по-видимому*, имеется в виду В. И. Панаев; «Князь Г. со мною не знаком...», «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...», «Нет ни в чём вам благодати» и другие вообще неизвестно против кого направленные сатиры.

Именные эпиграммы, в отличие от безымянных, по фактору адресата, на первый взгляд, категорически должны быть исключены из числа жанров энигматического текста. Однако и в этой разновидности можно усмотреть основания для сомнения и признаки загадочности. Во-первых, возможность декодирования антропонимической единицы не в качестве средства конкретной номинации, а в функции антономасии. В общепринятых терминах сказанное можно обозначить следующим образом: если считать текст эпиграммы энигматором, то энигмат составляет комплекс референтного и антономасийного значения, а, следовательно, закодированная семема остается загадкой. Например, эпиграмму А. С. Пушкина на М. С. Воронцова возможно толковать двояко: как характеристику исторического деятеля и как социальный тип. Антропонимическое обозначение, подвергаясь воздействию иных жанрообразующих средств, не способно локализовать адресата эпиграммы рамками одного объекта. Во-вторых, как известно, эпиграмма относится к инвективным формам поэзии. Это резкое обличение или сатирическое осмеяние реального лица или группы лиц, по сути, средство социальной дискредитации объекта посредством адресованного ему текста. Если же экспликация оскорбления не предопределена интенцией автора, содержание эпиграммы остается для общества загадкой. Так, по причине своей крайней инвективности пушкинские эпиграммы в форме открытой пейоративы зачастую не предназначались для широкого прочтения. Посылая текст сатиры «На А. А. Давыдову» брату, поэт писал: «Если хочешь, вот тебе ещё эпиграмма, которую ради Христа *не распускай*, в ней каждый стих — правда» [9, с. 154]. Если же эпиграмма писалась в форме скрытой инвективы, то использовалась эвфемистическая манера речи и языковые средства иносказания, что, по сути, является энигматическим кодом.

Таким образом, именная эпиграмма, вне зависимости от того, является ли она скрытой или же открытой инвективой, может быть отнесена к энигматическим текстам.

Энигматичность эпиграммы по фактору адресанта ограничивается кругом неточных или приблизительных идентификаций. К их числу относится, например, эпиграмма «За ужином наелся я», принадлежность которой перу А. С. Пушкина не установлена, или приписываемые поэту эпиграммы на Н. М. Карамзина и на Ф. В. Булгарина («Все говорят: он Вальтер-Скотт...»).

Ещё один способ доказать возможность трактовки эпиграммы как разновидности энигматического текста является сугубо лингвистическим и заключается в представлении языковых средств выражения авторской интенции. Ими оказываются типичные способы организации энигматора: метафора, перифраза, антономасия и т. д.

Оптимизировать представление об эпиграмме как виде энигматического текста представляется возможным, применив дихотомический принцип сопоставления двух текстовых структур — классики жанра — загадки — и эпиграммы.

Корреляция текстов по признаку «структура». Текст, через который происходит загадывание (кодирующая часть), — энигматор; объект действительности, который загадан, — энигмат; (терминология Е. А. Денисовой); отгадка. В обоих типах текста энигмат не всегда равен отгадке. Следует подчеркнуть, что загадки вообще не ставят своей целью однозначное определение объекта, указывая лишь на приблизительную область внеязыковой действительности. Аналогичное явление наблюдается и в эпиграммах: достаточно вспомнить функцию антономасийных номинаций. И, наконец, пуант (фр. *pointe*) — «острие», понимаемый как заключительная фраза шутки или загадки, из чего вытекает обязательное её присутствие в обоих типах текста (ср. загадки: *Если б не было его, не сказал бы ничего (Язык)* или *Вещунья белобока, а зовут ее... (Сорока)* — эпиграммы... *Что ты дурак, да это уж не ново или ...А ты бездельник деловой*).

По признаку «размер текста» в обоих исследуемых случаях представлен малоформатный текст.

Телеологичность: побуждение адресата к декодированию объекта. Корреляция прослеживается также по признаку наличие аксиологичности.

Антропоцентричность как универсальный признак, свойственный загадке и эпиграмме, у последней обусловлен адресатной спецификой жанра; в загадке он сфокусирован в границах антропоцентрического типа, где охватывает всю структуру (от энigmatора до энigmatата). Антропоцентричность в сфере адресата в обоих текстах представлена системой мер, направленных на принимающий объект: во-первых, это апелляция к адресату, во-вторых, программа адресованности основана на наличии фонда знаний и, наконец, выбор адекватных средств кодирования, ориентированных на апперцепционные возможности гипотетического либо реального адресата.

Антропоцентрическая составляющая исследуемых текстов обнаруживает свое присутствие и в сфере адресанта, прогнозирующего успешность декодирования неоднозначных текстов.

Идентичность распространяется также на признаки «наличие кода» и «приемы кодирования». Основным семантическим способом организации обоих текстов является языковая игра, основанная на образности. И набор энigmatических средств загадки вполне соотносим с языковыми средствами кодирования энigmatата в эпиграмме. Это метафора, перифраза, антонимия, синонимия и т. д. Обобщая все вышесказанное, можно представить единство двух сопоставляемых форм в виде конгломерированной дефиниции, а именно: малый литературный жанр с вариативной или обязательной антропологической составляющей, целью которого является аксиологическая атрибуция, осуществляемая посредством адекватных энigmatических языковых средств.

Специфичность и неповторимое своеобразие каждого вида текста формируется под влиянием дизъюнктивных (вариативных) составляющих того или иного признака. Так, телеологичность эпиграммы (как и загадки) сфокусирована в загадке, однако в изучаемом жанре обязательным условием является атрибуция аксиологическая. Многие исследователи отмечают наличие аксиологии и в загадках, например, М. В. Волкова: «Для загадок в целом характерен позитивный взгляд на мир (мелиоративная оценочная коннотация), что во многом обусловлено традиционным положительным отношением к фольклору как к источнику поэтико-эстетических представлений народа» [1, с. 7]. В этом случае противостояние признаков наблюдается по знаку оценки: аксиологичность эпиграмм негативная (в диапазоне от уничижительно-пренебрежительного до грубого и бранного), а загадок, как указано выше, — позитивная.

Незначительные отличия обнаруживаются также в некоторых аспектах толкования антропоцентричности. Так, в рамках признака «ориентация на адресата» в загадке «собеседником» является отгадывающий, в эпиграмме — объект дискредитации. Расхождения наблюдаются и в характере информационной базы. Прогнозирование успешного декодирования загадки предопределяется наличием общей когнитивной базы адресата и адресанта, ориентацией на вероятностный уровень интеллектуального и образного мышления. Эпиграмма также основана на знании. Однако это знание иного рода. Информационная насыщенность эпиграмм обусловлена социокультурным хронотопом малых социальных групп конкретного исторического периода, например, пушкинской поры. Следовательно, противопоставление по данному признаку составляет информационная оппозиция «социокультурная база» — «когнитивная база».

И последний признак, содержащий хоть и соотносимые, но всё же расхождения составляющих, — код. Анализ специфики его реализации может быть осуществлён в трёх аспектах: степень кодирования, причина и цель. Степень глубины кодирования в загадке большая, в эпиграмме — меньшая. Данное различие имеет свои причины: загадка призвана интенсифицировать когнитивную деятельность адресата; эпиграмму вынуждают к вуалированию этические нормы, грозящие социальными санкциями. Кстати, эпиграмматическую позицию А. С. Пушкина в этом вопросе, несмотря на неоднозначную трактовку его сатир, наглядно иллюстрирует эпиграмма «Журналами обиженный жестоко...»:

*Нельзя писать: Такой-то де старик,
Козёл в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл: всё это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовёр,
(В своих статьях), бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.*

И, наконец, языковая игра. Как основа энigmatора в загадке она имеет своей целью развлечение и ограничивается рациональной областью приложения, в эпиграмме же языковая игра инвективно обусловлена, вследствие чего явно прослеживается связь с эмоциональной сферой

адресата. На уровне конкретных языковых средств подобная оппозиция находит выражение в системе «эвфемизм — дисфемизм».

Итак, принимая во внимание представленную выше корреляцию признаков и незначительную их вариативность, включение эпиграммы в состав жанров, традиционно относимых к энигматическому тексту (например, загадка), представляется вероятным. Затронутые в данной статье вопросы, связанные с определением энигматических составляющих эпиграммы, безусловно, не исчерпывают проблему и должны рассматриваться как некоторые предварительные наблюдения. Могут оказаться полезными дальнейшие изыскания в этом направлении, проводимые на более широком корпусе текстов с учётом жанрового разнообразия.

Литература

1. Волкова М. В. Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 — германские языки / М. В. Волкова. — Смоленск, 2011. — 24 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — 6-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2011.
3. Денисова Е. А. Структура и функции энигматического текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 — русский язык / Е. А. Денисова. — М., 2008. — 23 с.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М. : Эксмо, 2008. — 944 с. — (Библиотека словарей).
5. Левин Ю. И. Семантическая структура загадки / Ю. И. Левин // Паремнологический сборник: Пословица. Загадка: Структура, смысл, текст. — М. : Наука, 1978. — С. 283—314.
6. Муллоев Ш. Б. Отличительные особенности публицистической сатиры периода Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Ш. Б. Муллоев. — Режим доступа: <https://mulloevsharif.wordpress.com/category/>
7. Словарь русского языка : в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. — 2-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1981—1984.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азъ, 1992. — 955 с.
9. Пушкин А. С. Эпиграммы / А. С. Пушкин. — М. : Худож. лит., 1979. — 167 с.

ШУМАРИНА Тетяна Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: shumarina2010@mail.ru; тел.: +38(0482) 683539; моб.: +38 067-3779936

ЭПИГРАМА ЯК ІНВЕКТИВНИЙ ТИП ЕНІГМАТИЧНОГО ТЕКСТУ

Анотація. Епіграма є мало дослідженим об'єктом у лінгвістичній літературі. Жанр епіграми як особливий вид сатирико-гумористичного твору розглядається здебільшого в літературознавчих роботах (М. Л. Гаспаров, Є. В. Новікова, Л. І. Тимофеев та ін.). Аналіз її текстової структури й ознакової своєрідності в даному дослідженні продиктовано необхідністю заповнити пропуск у науковому висвітленні епіграми як особливої жанрової форми, що має величезний арсенал мовних засобів. Мета роботи — довести приналежність епіграми до особливого (інвективного) типу енігматичного тексту. Актуальність нашого дослідження пов'язана з багатозначністю терміна «енігматичний». Його вживання в широкому значенні, як «чогось загадкового, сумнівного, невідомого, такого, що спонукає цікавість; алегорію чи натяк», дозволяє розширити уявлення про види творчості, які засновані на енігматичності такого тексту. Схожість епіграми та загадки (класичного енігматичного тексту) експлікує єдина дефініція, що формулюється на підставі виявлених ідентичних специфічних ознак: малий літературний жанр з варіативною або обов'язковою антропоцентричною складовою, метою якого є аксіологічна атрибуція, що здійснюється за допомогою адекватних енігматичних мовних засобів.

Ключові слова: епіграма, загадка, енігматичний текст, інвектива.

Tatiana F. SHUMARINA,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: shumarina2010@mail.ru; tel.: +38(0482) 683539; моб.: +38 067-3779936

EPIGRAM AS ABUSIVE TYPE OF ENIGMATIC TEXT

Summary. An epigram is a scantily explored object in linguistic literature. Genre of epigram as the special type of satiric humorous work is examined mainly in study of literature works (M. L. Gasparov, E. V. Novikova, L. I. Timofeev, etc.). The analysis of its text structure and sign originality in this research is dictated by a necessity to fill in a blank in scientific illumination of epigram as the special genre form, disposing the impressive arsenal of enigmatic of language means. The aim of work is to prove belonging of

epigram to the special (abusive) type of text. Actuality of our research is related to the presence of non-uniqueness definition of the term of «enigmatic». Its use is in a wide value, as 'anything enigmatic, doubtful, unknown, stimulating curiosity; an allegory or hint', allows to extend an idea about the types of work, based on enigmatic text. Likeness of epigram with the riddle (by classic enigmatic text) shows the single definition formulated on the basis of the educed identical specific signs: small literary genre with a variant or obligatory anthropocentric constituent, the aim of which is evaluation attribution, realized by means of adequate of enigmatic language means.

Key words: epigram, riddle, enigmatic text, invective.

Статтю отримано 21.09.2014 р.

UDC 801.561.3:811.111'23'367

IRYNA B. MOROZOVA,

Doctor of Phil. Sc. (Grand PhD), Full Professor, Chair of English Grammar, Odessa Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;

tel. +38 050 6572043; e-mail: morpo@ukr.net

«YES» & «NO»: EPISTEMIC MODALITY OR MEMORY OF MEANING?

Summary. The present investigation focuses on the remarks that express subjective evaluation in communication and contain or do not contain a predication structure in its traditional understanding of a subject-predicate nexus. The author determines the status of the aforementioned type of utterances with the newly-suggested term «truth-evaluation remarks» and analyses their role in the process of speech interaction of the communicants, paying special attention to the utterances devoid an explicit structure of predication. The whole corpus of truth-evaluation remarks falls into three classes, two of which are polar in their appraising the situation and the third is represented by a class of indefinite remarks. A conclusion is made as to the predominance of non-predication structured utterances for making a truth-evaluation statement within the classes of both positive and negative remarks. However, the quantitative ratio of the remarks in polar classes is not the same, with the positive evaluation utterances cropping by far more often.

From the point of view of information storage and digestion, «Yes» and «No» represent mathematical absolutes of counter-polarity and function as ready-to-use clichés in speech. The psychological grounding of such truth-evaluation markers lies in the memory of meaning characteristic of human mind and functioning as systemisers of the associations that reflect the object's most important characteristics as taken in by the speaker. In fact, predominance of the non-predication structured utterances over those containing a structure of predication is explained by the absence of necessity to generate new structures of predication with there already existing non-predication structured remarks. The results of the carried-out investigation leads to the conclusion about truth-evaluation statements serving as special language units which provide communicants' feedback and direct the dialogical process, involving mental associations from the memory of meaning.

Key words: truth-evaluation remarks, positive remarks, negative remarks, indefinite remarks, non-predication structured utterances, predication-structured utterances, memory of meaning.

The last twenty years or so have seen a growing interest in the axiological features of creating characters' virtual dialogue. Considering the well-known thesis that «the body of the text is not exclusively linguistic» [4, p. 67], we believe it to be a complicated creation of inter- and extralinguistic factors influencing speech units organisation of the information space within a meaningful unity. The present work looks at the problem of verbalising the speaker's truth-evaluation of the interlocutor's preceding utterance in terms of confirming or denying information. Our investigation is grounded upon J. Adams's conception which understands literary dialogue as a transformed form of live speech communication brought to the natural intercourse *ad maximum* [1].

As a rule, in the process of dialogisation, the speaker tries to make sure that his/her opponent understands the negotiator clearly and in the right way, and verbally probes the listener so as to clarify whether the information conveyed has been taken at all. As speech is «a multifacet model of developing contacts between people, whereas these contacts are conditioned by the demands of their joined activity» [9, p. 128] one of its functions presupposes confirming or denying the information transmitted in the message.

Entering a process of speech communication, interlocutors pursue the objective of making an influence on each other and see the immediate result of it in the interlocutor's reaction-remark. It is quite evident that any kind of speech interaction implies a certain result, evidently seen in the determined change of all the communicants' inner worlds or at least speech behaviour. In the process of their dialogue intercourse, participants usually try to find out whether the information transmitted has been decoded and whether it has been decoded in the right way.